

Александр Казицкий **СОЛДАТЫ ДЗЕРЖИНСКОГО**

В начале 1942 года в итоге успешного наступления войск 3-й и 4-й ударных армий в районе Витебска был разрезан фронт противника на стыке его 16-й и 9-й армий. Наша 4-я ударная армия заняла выгодное положение. В феврале — марте 1942 года по заданию НКВД СССР при непосредственном участии и поддержке командования, политотдела и отдела контрразведки «СМЕРШ» 4-й ударной армии Калининского фронта на участке обороны Кресты — Усвяты в тыл немецко-фашистской группы армий «Центр» было направлено свыше 10 специальных лыжных отрядов, хорошо вооруженных и снабженных радиостанциями. Они состояли из добровольцев — спортсменов, студентов, молодых рабочих и колхозников, представителей науки и просвещения, прошедших подготовку в отдельной мотострелковой бригаде особого назначения войск НКВД СССР. Командовали ими чекисты. О нескольких эпизодах борьбы этих отрядов мне и хотелось бы рассказать.

На запад от Смоленска отходят две железнодорожные линии — на Оршу и на Витебск, третья, идущая из Ленинграда на юг, пересекая их, образует треугольник «Смоленск — Витебск — Орша», направленный своим острием через Смоленск к сердцу России — Москве. Не нужно быть большим специалистом, чтобы оценить его стратегическое значение. Отсюда шла прямая дорога на Москву, в этом небольшом по площади районе размещались крупные армейские штабы, многочисленные службы, резервы, аэродромы.

Зимой 1941—1942 года гитлеровцы и их пособники чувствовали себя в этом районе спокойно. Партизан там почти не было. Днем и ночью воинские эшелоны на больших скоростях шли к фронту. Тяжелые «бюссинги» с солдатами и офицерами, юркие «оппели» сновали по Минскому шоссе. А рядом на глубине семидесяти сантиметров под землей пролегал кабель связи, по которому передавались шифрованные телеграммы немецко-фашистских войск.

Советскому командованию крайне важно было знать, что происходит в Смоленском треугольнике и за его пределами, где враг сосредоточивает свои резервы. Нужно было нарушить снабжение и переброску вражеских войск, деморализовывать оккупантов, вместе с тем требовалось поднять дух советских людей, оказавшихся под пятой врага, показать им, что Родина о них не забыла, вдохновить их на борьбу с фашистами.

На военных картах леса всегда зеленые, реки синие. На зеленые просторы, пересекая реки и болота, легли красные карандашные стрелки. Они начинались где-то у Старой тропы, шли мимо Слободы, Демидова, Каспли и врезались острыми концами в Смоленский треугольник.

Судьба первого отряда, проникшего в этот район, была трагична. Каратели его обнаружили, начали преследование, и около деревни Марьино Лиепаянского района Витебской области он почти весь погиб.

Обмороженные, обросшие, почерневшие от чада костров уцелевшие бойцы с трудом выбрались из вражеского тыла.

29 марта 1942 года в треугольник проник наш отряд, носивший кодовое название «**Грозный**». Командовал им **23-летний коммунист лейтенант Озмитель Федор Федорович**. Лейтенант рыл молод, и вся его биография умещалась на неполных двух страницах командирского блокнота: сын бедняка, трех лет остался без отца, с семи лет работал подпаском. Мать одна из первых в селе вступила в колхоз. Подпасок сел за школьную парту, а через несколько лет стал учителем. Правда, образование было небольшим, но учителей не хватало. Пришла пора призываться в армию. Стал Федор пограничником, а затем курсантом Ленинградского училища НКВД. Выпуск состоялся в 1941 году, и сразу — передовая.

Отряд «Грозный» состоял, из молодых, необстрелянных бойцов. Большинство москвичи: подрывники Гриша Демидов и Петя Антипов, пулеметчики Иван Пешков, Валентин Зорин, радист Семен Будницкий. Снайпер Гергард Симон — русский, родившийся в Берлине, стрелок Арон Гуревич, детдомовец — оба воспитанники московского завода «Калибр». Стрелки Саша Матюхин и Семен Солонининкин — рязанские ребята, инструктор — подрывник Николай Макаров, посланец Пензенского комсомола. Опытных было меньше. Иван Белов, Исаак Грудский и Иван Петрушин, бывшие окруженцы, уже прошедшие боевую школу в специальном партизанском отряде чекиста Дмитрия Медведева, а неунывающий младший лейтенант пограничник Николай Пеньков, туляк, до войны комсорг управления канала «Москва-Волга» воевал с белофиннами на Карельском перешейке.

«Грозный» тоже был обнаружен врагом. Но молодой лейтенант-пограничник сумел перехитрить гитлеровцев. Он вывел отряд из Гусинского леса в открытое поле за деревней Толкачи Руднянского района и спрятал бойцов в чуть заметное ложбинке. Снег припорошил лыжню и людей. Каратели обшарили все соседние леса и деревни, но поискать лыжников в открытом поле не догадались...

Согласно заданию Центра отряд Озмителя обосновался на границе двух областей: Смоленской и Витебской, в лесном массиве возле деревни Озеры Дубровенского района. Наступила весна — самое тяжелое время в лесу: кругом вода, на бойцах сухой нитки нет, липкая грязь хуже самого глубокого снега. А тут продовольствие кончилось. В ближайших деревнях и селах пособники оккупантов — полицаи, в поселках и на станциях — фашистские гарнизоны.

Начали с полиции. Ее громили в первую очередь. Отряд установил связь с местными жителями. Нашлось продовольствие, десятки новых помощников. Смоленские комсомолки Галя Меерович, Ольга Рылова, учительница Вера Кандратьева, пожилые белорусские колхозники Александр Воронецкий, Егор Василенков, Павел Марачев и многие другие стали разведчиками. Они ходили в соседние села, пробирались на железнодорожные станции, под носом врага ремонтировали оружие. Семен

Ладохин из деревни Шарино по заданию Озмителя вступил в полицию и предупреждал наших бойцов о всякой опасности. Однажды Ладохин пришел к начальнику волостной полиции в деревне Ольша:

— Скоро с партизанами воевать, а твои лоботрясы с оружием обращаться не умеют! Буду учить. Я-то в армии служи.

И стал Ладохин регулярно приходить в Ольшу и «обучать» полицейских.

— Сначала, — говорил, — научу вас неполной разборке. А потом произведем полную.

Обучение шло успешно, и Семен показал полицейским, как полностью разобрать винтовку. Внимательно проследил, чтобы каждый открутил все, до последнего винтика, и вдруг вспомнил:

— Мне же надо в Скворцы! Я мигом!

Как только он ушел, в заброшенную церковь, где полицейские «изучали» оружие, ворвались пятеро озмителевцев:

— Руки вверх!

Полицейские покорно подняли руки.

Затем наступила очередь оккупантов. В первомайские дни решили пустить под откос первый эшелон, это поручили Вале Лазареву, Грише Демидову и двум местным партизанам-проводникам из деревни Пески.

Дни были холодные. Дул сильный ветер.

Трое суток пробирались подрывники по лесам и болотам, обходя вражеские гарнизоны. В ночь на 29 апреля подошли к железнодорожной насыпи около станции Заольша на перегоне Витебск — Рудня. Целый день, сидя в кустах, изучали систему охраны. А ночью выползли на насыпь. Но их постигла неудача. Советские самолеты бомбили железную дорогу. Движение транспорта было приостановлено. Весь следующий день подрывники продолжали изучать систему охраны, огневые точки и подступы к железной дороге.

Наступила вторая ночь. Местные партизаны остались в охране, а Лазарев и Демидов поползли к насыпи. Их заметили. В воздух взвились ракеты. Насыпь как бы ожила: вспышки выстрелов, трассирующие пули, треск пулеметов и автоматов. Пришлось отходить. В ночь следующего дня опять было тревожно. Ракеты освещали местность. Опять трассирующие пули, как светлячки, проносились вдоль насыпи. И все же подрывники смогли подобраться к полотну железной дороги. Установив под рельсой мину-лягушку, бойцы отошли под грохот приближавшегося эшелона.

Раздался характерный щелчок, но взрыва не последовало... Эшелон удалялся на Смоленск. Что делать? Оставить мину до утра? Но ее могут обнаружить, и тогда усилят охрану. Тащить взрывчатку назад в лагерь? В это время вновь послышался характерный гул рельсов: со стороны Витебска приближался воинский эшелон. На этот раз решили использовать капсулю противотанковой гранаты. Едва подрывники отошли, раздался взрыв, лязг платформ, летевших под откос.

Уходить дальше от места крушения стало трудно. Впереди поднятый по тревоге вражеский гарнизон. Кругом вода выше колен. Спасают сучья,

оставшиеся от заготовки леса. Замаскировавшись, бойцы заняли круговую оборону в ледяной воде болота и просидели так до следующей ночи. Тем временем каратели, не обнаружив партизан, прекратили их поиск. Спустя двое суток измученные, мокрые и голодные наши товарищи благополучно возвратились на базу.

Позднее разведка донесла, что подорванный эшелон состоял примерно из 50 платформ. Около 30 были загружены, автомашинами, остальные ящиками с боеприпасами. Движение поездов на этом перегоне приостановилось на 20 с лишним часов.

Отряд рос. К нам шли местные жители, окруженцы, люди, считавшиеся «пропавшими без вести». Начинался отряд с двадцати шести человек — стало свыше ста. Могло быть и больше. Но Озмитель брал не всех. Многих направляли в местный отряд, командиром которого стал белорусский чекист Никандр Талерко, комиссаром Евдоким Мельников — председатель Руднянского райисполкома.

Следом за «Грозным» в треугольнике появился еще один отряд, командовал которым пограничник Михаил Бажанов. Он состоял из спортсменов, дружных, сильных ребят. Имена многих были известны в стране: тяжелоатлет Владимир Крылов, боксер Сергей Щербаков, футболист Георгий Иванов. С появлением бажановцев чаще загремели взрывы на оршанской линии и Минской автодороге.

В мае в район дислокации «Грозного» прибыл из-за линии фронта специальный отряд «Сокол». Его командир — Николай Соколов — сразу же установил контакт с Озмилем, вместе громили вражеские гарнизоны, вели бои с карателями.

На востоке треугольника в Гусинском лесу обосновались отряды под командованием чекистов капитана Григория Хвостова и майора Якова Шпилевого. А дорогу Орша — Витебск контролировали бойцы спецотряда «Фаза».

Жизнь оккупантов и их пособников в этом районе стала невыносимой. Взрывы гремели совсем недалеко от штаба генерал-фельдмаршала Клюге, командующего армейской группой «Центр».

Гитлеровцы вынуждены были усилить охрану дорог. Вдоль насыпи вырубался лес, появились кирпичные будки и дзоты. Круглые сутки по шпалам шагали патрули. Ночью движение эшелонов почти прекращалось. Резвый бег поездов сменился неторопливым пыхтением: чем выше скорость, тем больше вагонов летит под откос при взрыве. Горячие поборники блицкрига стали усваивать простую истину: тише едешь — дальше будешь. Пропускная способность железных дорог резко снизилась. А диверсии продолжались. Стальной треугольник рвали изнутри и снаружи. И эхо взрывов отдавалось в сердцах людей, которых фашисты хотели превратить в покорных рабов, убедить в незыблемости «нового порядка».

Боевая дружба крепко спаяла воинов-чекистов. Она родилась у дымных костров, когда делили последний кусок хлеба, под плотным огнем, когда пробирались к железнодорожному полотну. В мае Зина Чернышева,

фельдшер отряда «Грозный», бросилась в горящий дом, чтобы вытащить смертельно раненного бойца Валу Лазарева. Шестеро бажановцев: младший лейтенант Борис Галушкин, Сергей Щербаков, Виктор Правдин, Павел Маркин, Иван Головенков, Алексей Андреев, голодные, измученные, несли тяжелораненого товарища Степана Насынова по вражеским тылам за линию фронта. Озмителивцы младший лейтенант Иван Петрушин, бойцы Владимир Кочергин, Василий Калганкин, Николай Фотин, Сергей Мишкин вместе с местными партизанами в июле доставили из треугольника во фронтовой госпиталь Леонида Горшкова. И Насынов и Горшков были спасены.

Ранней весной семь бойцов из отряда Хвостова пробрались в узкий промежуток — всего метров 800 — между Витебским шоссе и железной дорогой около станции Рудня. Здесь их застал рассвет. Укрывшись в яме, поросшей кустарником, решили ждать темноты. Но немцы их обнаружили, открыли огонь и стали обходить со всех сторон. Но вдруг на краю ямы появились продолговатые серые ящики, на них лег человек. Фашисты прекратили стрельбу, видимо, решив, что он хочет сдаться. Стали приближаться к нему, держа автоматы наизготовку. Человек взмахнул рукой. Мощная волна оглушительного взрыва разбросала фашистов. И пока уцелевшие солдаты пытались что-либо сообразить, шестеро бойцов выскочили из ямы и скрылись. Так ценой собственной жизни старший сержант Александр Нахмансон из 1-го полка ОМСБОНа, студент Московского высшего технического училища имени Н. Э. Баумана, спас жизнь своим товарищам.

На железной дороге Смоленск — Орша есть станция Красное. Однажды там с бидонами молока появились наши разведчицы Галя Меерович и Ольга Рылова. На путях стояли воинские эшелоны. В дверях теплушек, на платформе — всюду были видны солдаты и офицеры. Девушки ахнули: фашисты были одеты в красноармейскую форму.

— Ясно, — сказал Федор Озмитель, выслушав взволнованный рассказ разведчиц, — гитлеровцы готовят провокацию.

На следующее утро на стол начальника управления в Москве легла радиограмма: «20 мая 1942 года в 7 часов 30 минут через станцию Красное со стороны Орши на Смоленск прошли два эшелона. Люди одеты в форму командного и политического состава Красной Армии. Один в форме генерала... «Грозный». Комиссар государственной безопасности взял карандаш и на уголке радиограммы написал: «Срочно предупредить товарища Жукова...»

Подразделение, которое разведчицы видели на станции Красное, возглавляли ярые энтээсовцы, состоявшие на службе в гитлеровской разведке. Диверсанты под видом красноармейцев, выходявших из окружения, должны были проникнуть в расположение находившихся в тылу врага частей 4-го воздушно-десантного корпуса генерала Казанкина и конно-механизированной группы 1-го гвардейского корпуса под командованием генерала П. А. Белова, захватить последнего со штабом в плен, возглавить руководство войсками и попытаться склонить их к переходу на сторону

немецко-фашистских войск. Даже если бы эта операция не удалась, диверсанты и их хозяева надеялись внести панику в наши войска. Этот план, благодаря сообщению Озмителя, потерпел провал.

Так состоялось знакомство с первым вооруженным формированием, созданным фашистской разведкой из перебежчиков и дезертиров. Этому формированию фашисты дали провокационное название «Русская народная национальная армия». В секретных же документах врага «РННА» именовалась «Зондерфербанд Граукопф» — «Особая часть «Седая голова». Находилась она в ведении Гелена и его ближайшего помощника Эриха Наука, а на фронте подчинялась начальнику разведывательно-диверсионной «Абверкоманде — 2-Б» подполковнику Геттинг-Зеербург Вернеру, штаб которого дислоцировался в Смоленске.

В зондерфербанде готовили шпионов, диверсантов, провокаторов, террористов различных мастей для борьбы с партизанским движением и засылки в глубокий тыл Советской Армии.

На Витебщине, вдоль опушки Щербинского лесничества, раскинулись деревни Новая Земля и Гичи. С южных окраин этих деревень, в районе железнодорожного разъезда Шуховцы хорошо просматривалась автомагистраль Москва — Минск и железная дорога Орша — Смоленск. Именно здесь партизаны чаще всего устраивали засады.

Во второй половине июля 1942 года для пресечения партизанских действий сюда прибыла рота первого батальона гарнизона «Москва» так называемой «Русской народной национальной армии». Командовал ротой некто Григорьев.

Федор Озмитель, посоветовавшись с командирами отрядов Никандром Талерко и Николаем Соколовым, принял решение попытаться склонить роту «РННА» на переход к партизанам. В нашем отряде воевал партизан Марченко. Его жена жила в деревне Новая Земля. Ниточку связи с деревней мы использовали для изучения людей этой роты. Вскоре записка Федора Озмителя через третьи руки попала к командиру роты Григорьеву. Наше командование дорожило связными и теми, кто помогал вести разведку в стане врага. Поэтому в записке, переданной Григорьеву, излагалось предложение о бесконтактном способе связи и условиях перехода роты на сторону партизан.

Встреча командиров была назначена на двенадцать часов дня. Озмитель прибыл ранее назначенного времени. Находившиеся на месте разведчики доложили командиру, что противник усилил боевую готовность. Это настораживало.

Озмитель приказал приготовиться к возможному бою.

В назначенный час партизанские парламентарии просигналили о начале переговоров. Однако не успели они дать условный сигнал, как раздался минно-пулеметный залп.

— Огонь по провокаторам, — последовала команда Ф. Озмителя.

Как выяснилось позднее, Григорьев, получив записку Озмителя, немедленно переслал ее своему командованию и дальнейшие действия проводил по

указанию штаба «РННА». Вскоре после этого, опасаясь возможного разложения, роту отозвали в расположение гарнизона. Так безрезультатно окончилась первая попытка установить связи с «РННА». Однако неудача не огорчила партизанских командиров. Они стали искать новые пути сближения.

— Вот что, Никандр Иванович, — обращаясь к командиру местного отряда лейтенанту Талерко, сказал Озмитель, — укрепите партизанскую оборону со стороны деревень Гичи — Новая Земля — Шеки, а мы усилим разведку.

10 августа 1942 года в деревне Марково неожиданно появились двое одетых в незнакомую военную форму. Это были делегаты: офицер и солдат. Офицер, статный чернобровый парень, был мрачен. Федор Озмитель пригласил его в штабную избу. Разговор был не из приятных. Что мог сказать чекист человеку, изменившему своему гражданскому и воинскому долгу. Озмитель решил вместе с этим офицером передать новую листовку в расположение «РННА» с предложением перейти на сторону партизан.

Во второй половине дня 11 августа 1942 года взводы в полном боевом составе снялись и вышли якобы для организации засады против партизан.

Погрузив на подводы 12 пулеметов, 3 миномета, боеприпасы, радиостанцию, продовольствие и другое ротное имущество 69 человек вышли из деревни Новая Земля. К вечеру перебежчики прибыли в деревню Марково. Командир роты, выстроив солдат и приложив руку к козырьку, отрапортовал Ф. Ф. Озмителю:

— Товарищ командир! Солдаты и офицеры третьей роты первого батальона гарнизона «Москва» из «Русской народной национальной армии» в количестве 69 человек добровольно прибыли в ваше распоряжение. Докладывает бывший старший лейтенант Максютин Михаил Андреевич.

Федор Озмитель внимательно обошел строй. Затем, обращаясь к Максютину, жестко ответил:

— Вам я не товарищ. Вот скоро предстоят бои с карателями. Сможете кровью искупить свою вину перед Родиной. Тогда не только товарищами, может, и друзьями станем. Это полностью относится и к солдатам, перешедшим с вами на сторону партизан. Что касается оружия, то оно останется при вас, — закончил Федор Озмитель.

8 августа 1942 года командующий охранными войсками и начальник тылового района группы армий «Центр» генерал пехоты фон Шенкендорф отдал секретный приказ о проведении в августе 14 карательных операций против партизан.

Самая крупная из этих операций планировалась в западной части треугольника Смоленск — Витебск — Орша и носила кодовое название «Гриф». Задача этой операции состояла в том, чтобы тремя полками дивизии, усиленными танковыми и артиллерийскими подразделениями, бронепоездами, бомбардировочной авиацией, командами службы, безопасности и военно-полевой жандармерии, уничтожить партизанское движение в этом районе.

10 августа начальник штаба группы армий «Центр» Вёллер довел до сведения подчиненных войск совершенно секретный приказ Главного командования сухопутных войск германской армии, в котором говорилось, что борьба с партизанами и охрана оперативного района рассматривается как часть боевых действий и что командующие группами армий и начальники тыловых районов несут полную ответственность за проведение необходимых мероприятий в этих районах.

Озмитель не случайно говорил о предстоявших боях. По его инициативе в те дни в деревне Заволище Руднянского района собрались партизанские командиры Константин Заслонов, Михаил Антоненков, Николай Соколов, Никандр Талерко, Евдоким Мельников, Виктор Манохин, Евгений Осипов и другие товарищи.

Совещание приняло решение о совместных боевых действиях против карателей. Около 120 партизан во главе с Озмителем заняли оборону вдоль леса в районе белорусских деревень Новая Земля, Гичи, Щербинское лесничество. Отряд Соколова получил задачу встретить противника на рубеже деревень Соловьи — Махначи — Волково — Марково. Бригада Бойко, так стал именоваться спецотряд «Фаза», занял оборону с северной стороны леса, напротив руднянских деревень Волково — Задевалы. Далее по линии Коты — Дряголи — Пезолы расположились партизаны бригады Константина Заслонова. Рядом стоял отряд Антоненкова.

Со стороны Осинторфа около деревень Озеры — Шеки оборону заняли бывшие солдаты «РННА» во главе с Максютиним.

Наступило 16 августа. День был солнечный, теплый. Воздух прозрачен и чист. Партизанская застава вовремя заметила противника. Вереницы автомашин с гитлеровцами мчались по Минской автомагистрали. По сообщениям конных разведчиков каратели также двигались и с севера по большаку, со стороны местечка Любавичи, охватывая в этом районе лес с двух сторон.

Партизаны могли незаметно выйти из «котла». Это соответствовало бы правилам партизанской войны. Но в тылу отряда стояли партизанские бригады. Совет командиров решил без боя с противником не отступать, ибо даже короткий бой даст возможность другим партизанам подготовиться к встрече с врагом и избежать внезапного удара с тыла. Озмитель принял решение первым ударить по автоколонне врага.

Когда фашисты показались у деревни Кисели, навстречу им вышли автоматчики Михаил Махров и Филипп Клушкин. Скрытно пробравшись на окраину деревни, они в упор обстреляли головную автомашину, вызвали панику и скрылись. Это были первые потери врага на участке партизанской обороны.

Лейтенант Озмитель находился возле ветряной мельницы, на западной окраине Киселей, откуда хорошо просматривалась местность. Он хладнокровно наблюдал за продвижением противника.

Оценив выгодность партизанской заставы, находившейся на опушке Киселевского леса, командир решил повторить обстрел карателей на марше.

От ветряной мельницы до опушки леса партизаны добирались попластунски. А дальше уже каждая тропинка хорошо известна. Еще бросок, и мы у своих оседланных лошадей. Сюда же отступили и автоматчики, Озмитель дал им задание отходить вдоль опушки леса, не выпуская противника с поля зрения. А мы галопом поскакали на заставу. Здесь уже приготовились к бою. Показались автомашины карателей.

— Пушку! — коротко приказал Озмитель.

Это была гордость отряда: 45-миллиметровая пушчонка, подобрали ее в Гусинском лесу, в болоте без колес и ударника. Ударник выковал кузнец Егор Василенков. Правда, у пушки не было прицельного приспособления... Пушка уже неслась на самодельных колесах, подскакивая на ухабах. Добрый серый конь вскачь тянул телегу, на которой лежали ящики со снарядами. Не успели артиллеристы развернуть орудие, как моментально все, кто был рядом, превратились в орудийный расчет. Поскольку прицела у пушки не было, наводили на цель через открытый ствол. Первые же снаряды взметнулись у фашистских автомашин. Из строя был выведен станковый пулемет с расчетом. Солдаты горохом посыпались на землю. Новые снаряды догоняли метавшихся карателей.

Боевые столкновения, навязанные партизанами, стихли лишь к 20 часам. С наступлением сумерок как-то внезапно наступила тишина. Ни единого выстрела, ни лая собак...

В течение ночи Ф. Озмитель объехал все заставы. С рассветом прискакали в деревню Марково. Обессиленные, голодные, оставив лошадей у крыльца, мы зашли в дом Поляковых — штабную избу. Усталость буквально валила с ног. Мы забылись тревожным сном.

Разбудили взрывы артиллерийских снарядов.

Под прикрытием артиллерии каратели пошли в наступление на партизан. Потери предыдущего дня вынудили их изменить тактику боевых действий! Они выставили впереди себя сотни солдат и офицеров из формирования «Зондерфербанд», которые гнали перед собой жителей окрестных деревень. Так начался второй день карательной операции «Гриф».

Юркая партизанская пушечка металась с одного рубежа на другой, трещали пулеметы, немилосердно пожирая боеприпасы. Во второй половине дня каратели дополнительно ввели в бой восемь танков, танкетки, бронемашины с установленными на них 37-миллиметровыми пушками. В лес проникли вражеские лазутчики-автоматчики... Дальнейшее организованное сопротивление было нецелесообразным.

— Отходим в глубь леса, — распорядился Озмитель.

Это было 17 августа 1942 года. Наступал вечер, сгущались сумерки. Уставшие и голодные, стараясь не шуметь, партизаны осторожно раздвигали ветви кустарника, пробираясь сквозь чащу в глубь леса, где рассредоточились на группы и скрывались в трудно проходимых кустарниках и болотах.

Каратели, окружив лес плотным кольцом, установили на просеках пулеметы. Артиллерия методически обстреливала лесной массив.

От просеки к просеке гитлеровцы шли густой цепью с истошным воплем:
— Рус, сдавайсь! Рус, сдавайсь!

Над верхушками деревьев кружили самолеты. Озмитель быстро понял, что каратели боятся попасть под огонь собственной артиллерии. Он уводил партизан вперед за удалявшимися разрывами снарядов.

Так продолжалось две недели. Уничтожить партизан фашисты все же не смогли. Отряд «Грозный» остался на своем участке и продолжал действовать. В разгар карательной операции группа подрывников пустила под откос очередной вражеский эшелон, девятый по счету.

События, о которых рассказано в этом очерке, были лишь эпизодами партизанской борьбы в Смоленском треугольнике. Гитлеровцы жгли села, убивали женщин, детей, стариков. Они стерли с лица земли Шарино и Марково и много других деревень. Но погасить пламя партизанской борьбы не смогли.

На место ушедших отрядов приходили другие — 16-я Смоленская бригада (комбриг И. Р. Шлапаков), партизанский полк Садчикова, и борьба разгоралась с новой силой.

По-разному сложились судьбы воинов-чекистов, сражавшихся в треугольнике Смоленск — Витебск — Орша в 1942 году.

Весной 1943 года Озмитель вторично был направлен в тыл врага. Воевал на территории Витебской и Минской областей. Рядом с ним действовал чекистский отряд лейтенанта Бориса Галушкина.

В июне 1944 года в районе озера Палик гитлеровцы окружили крупные силы партизан. Враг стремился уничтожить их до начала наступления Красной Армии. С каждым днем кольцо сжималось все теснее и теснее. Осталось одно — прорыв.

В ночь на 15 июня 1944 года ударные колонны прорыва возглавили коммунисты Федор Озмитель и Борис Галушкин.

Партизаны смогли вырваться из окружения, но на поле боя возле деревни Маковье Борисовского района Минской области остались оба командира и около трехсот партизан — участников прорыва блокады.

5 ноября 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение специальных заданий командования в глубоком тылу противника и проявленную при этом отвагу и геройство группе чекистов было присвоено звание Героев Советского Союза.

Имя старшего лейтенанта Федора Федоровича Озмителя стояло в одном ряду с героями-чекистами Олегом Бычком, Станиславом Ваупшасовым, Борисом Галушкиным, Николаем Кузнецовым, Виктором Карасевым, Виктором Лягиным, Евгением Мирковским, Владимиром Молодцовым, Николаем Михайлашевым, Валентином Неклюдовым, Николаем Прокопюком, Михаилом Петровым и Александром Шиховым.